

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Египетские
вечера*

ЧАСТНОЕ АГЕНТСТВО
МАРИНА
SEROVA

2010

Марина С. Серова
Рыбка в мутной воде
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167085

Серова М. С. Египетские вечера. Рыбка в мутной воде: Повести: Эксмо;

М.; 2004

ISBN 5-699-06851-1

Аннотация

Давненько частному детективу Татьяне Ивановой не приходилось жить вдали от цивилизации, в областной глубинке. А очутилась она там, получив почти одновременно два схожих заказа на расследование. Два молодых человека попросили ее разыскать их отцов, живших в богом забытом селе. Месяца три назад мужчины вдруг исчезли и нигде не появлялись с тех пор. Отправились путешествовать или нашли новое пристанище – так считают односельчане. Но Татьяна подозревает, что произошло убийство. Однако ни улики, ни доказательств нет. Как же ей вывести на чистую воду тех, кого она считает преступниками?..

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	33
ГЛАВА 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Марина СЕРОВА

РЫБКА В МУТНОЙ ВОДЕ

ГЛАВА 1

– Фу-у, – протянула я устало и утерла выступившие на лбу капельки пота. Затем отошла от шкафа, с полок которого смахивала пыль, и плюхнулась в кресло.

Лето в этом году выдалось особенно сухим и жарким. Солнце безжалостно пекло землю и всех ее обитателей вот уже который месяц. В полдень невозможно было даже выйти на улицу – такая стояла жара. О дождевых облаках оставалось только мечтать. Казалось, тучи окончательно покинули небосвод и не собираются снова возвращаться на него. Температура воздуха порой доходила чуть ли не до пятидесяти градусов. И тогда не было такого места, где можно было бы спрятаться от жары. Как раз как сегодня.

Больше всего, конечно, не везло жителям города, где от раскаленного асфальта поднимались клубы горячего воздуха, от которых вообще невозможно было спрятаться. Люди, избегая солнечного удара, старались большую часть дня находиться в помещениях. Даже городского транспорта на улицах нашего Тарасова днем было гораздо меньше, чем обычно. Баллончики аэрозолей, не выдерживая такой жары, по-

рой с сильным шумом взрывались, разбрызгивая вокруг себя содержимое. И лишь поздним вечером и ночью город оживал.

Я снова вздохнула, вспомнив об этом спасительном в данный период года времени суток. Перед глазами буквально нарисовались картины того, как солнце медленно уходит за горизонт, вокруг смеркается и то здесь, то там начинают появляться редкие прохожие. Затем их становится все больше и больше и вот наконец все улицы и парки города до отказа забиты горожанами. Старички начинают медленно продвигаться по тротуару в сторону лавочек. Ребяшня заводит веселые игры, о которых забывала в течение жаркого дня. Их отцы и матери не спеша прогуливаются рядом. Совсем маленькие обитатели города копошатся в песочницах. А вокруг этого разноликого населения бегают всеобщие любимцы: собаки и кошки.

Создается впечатление, что только ночью город оживает. Все просыпаются, как от зимней спячки, и народ спешит выполнить те дела, которые накопились за время невероятно жаркого дня.

Не поворачивая головы, я нащупала рукой кнопку маленького настольного вентилятора и включила его. Горячий воздух еще быстрее стал биться мне в лицо, и от этого стало намного хуже. Я опять выключила этот бесполезный агрегат, толку от которого почти не было, и подумала о том, что не помешало бы обзавестись кондиционером, тогда в квартире

хотя бы можно будет как-то жить. А то летом у меня дышать нечем, зато зимой хоть зубами стучи.

Да, обзавестись-то, конечно, не помешало бы, да только главная проблема, как всегда, состояла в том, что я, Татьяна Александровна Иванова, вот уже несколько лет занимающаяся частной детективной деятельностью, второй месяц сидела без работы, а значит, и без дополнительных средств к существованию. И это неудивительно, ведь в такую погоду, когда, кажется, и кровь закипает в сосудах, даже у преступников пропадает желание лишний раз выйти на улицу и совершить свои гнусные дела. Никому из них не хочется свалиться от солнечного удара и погибнуть так глупо и бесполезно.

«Интересно, сколько это бездействие еще продлится? – спрашивала я сама себя. – День, два или неделю? Хотя наверняка до того времени, пока не спадет жара».

Заинтересовавшись тем, когда же это все-таки случится, я включила телевизор и, найдя там канал с теленовостями, стала ждать, когда покажут прогноз погоды. Его, как и следовало ожидать, показали, да только ничего утешительного для себя я там не услышала. Напротив, выяснила лишь то, что не только бедный Тарасов страдает от жары, но и все близ и даже далеко лежащие от него города и села. Правда, синоптики обещали, что к концу недели пойдет дождь, но верить им – все равно что принимать всерьез слова сумасшедшего.

Поняв, что перемен ждать не следует, я обвела взглядом свою квартиру, которую успела буквально вылизать до лоска

за те пять дней, что безвылазно сижу дома, ища, чем бы еще себя занять. Как оказалось, делать было совершенно нечего: у меня даже мусоринки нигде не было видно и, что уж совсем не часто бывает, все вещи в шкафу лежали и висели выстиранными и выглаженными.

– Господи, я скоро сойду с ума, – протянула я вслух. – Немедленно необходимо что-то придумать. Но что?

Я задумалась. Сначала все мысли вертелись вокруг финансов, которые очень быстро стали таять в эти дни. Еще пару-тройку дней я, конечно, смогу протянуть безбедно. А вот дальше... Дальше мне необходима работа. Но ее, работы, пока не намечалось.

И тут мне пришла в голову идея наведаться на пляж. Раз уж так вышло, что свободного времени у меня хоть отбавляй, то можно заняться и собой, любимой. Во-первых, хорошенько загореть, а то что это за кожа – белая, как у младенца? Во-вторых, завести новых знакомых, а там уж, гляди, и скучать будет некогда. Все, решено, прямо сейчас еду на пляж!

Вскочив с кресла как ошпаренная, я подбежала к зеркалу и окинула себя критическим взглядом. Сейчас на мне был легкий костюмчик из хлопчатобумажной ткани: топик и шортики, но идти прямо в нем было неразумно. Я открыла шкаф и поискала в нем что-нибудь более подходящее. Через пару минут на мне уже была легкая газовая юбка, держащаяся на бедрах, сверху – короткий топ, а на носу черные очки. Оставалось только решить вопрос с волосами. Я взяла в

руку массажную расческу, быстро собрала свои белокурые локоны в хвост, перетянула резинкой и спрятала под платком, намотав его на волосы так, чтобы было похоже на шишку. Косметикой решила не пользоваться совсем, все равно от нее толку нет – потечет вся, едва я высунусь на улицу.

Схватив с тумбочки свою сумочку и сняв с крючка ключи, я вышла из квартиры в сравнительно прохладный подъезд, заперла за собой дверь и стала спускаться вниз. Не спеша – ведь спешить мне было некуда – преодолела несколько этажей и, дойдя до почтового ящика, немного замедлила шаг. Потому что надумала проверить его содержимое. Хотя родственников и друзей, которые могли бы мне написать, у меня не было, прессу я не выписывала, а просто покупала в киосках, я все же решила это сделать, чтобы хоть как-то убить время.

Подошла к своему почтовому ящику и заглянула внутрь: там лежали какие-то бумаги. Это немного удивило меня. Но только сначала, так как я сразу подумала, что в ящик натолкали очередные рекламные буклеты. Достав ключик из сумки, я попробовала вставить его в замочную скважину. Как ни странно, ничего не выходило, и ключ совершенно не желал вставляться в отверстие. Я заглянула в него. Оказывается, оно было забито жевательной резинкой. Видимо, пацаны или девчонки решили так подшутить.

Я снова покопалась в своей сумочке, достала коробок со спичками и стала выковыривать резинку. У меня не сразу

это получилось. Спички быстро ломались, и приходилось их все время менять.

Наконец жевательная резинка была извлечена полностью. Я открыла замок и вынула из почтового ящика конверт.

«Странно, – удивилась я в первую минуту. – Что бы это могло быть? От кого письмо?»

Я повертела конверт в руке. Так, адрес мой. Мои и фамилия с именем. А вот обратного адреса не наблюдалось. Не понимаю, от кого же оно?

Я снова повертела конверт в руках. Еще больше меня смутило то, что, судя по штемпелю, письмо пришло из ближнего зарубежья, из Украины. Больше не медля, я открыла его, разорвав конверт сбоку. Внутри лежал тетрадный лист бумаги, исписанный мелким почерком. Я раскрыла его и начала жадно читать:

«Здравствуйте, Татьяна Александровна!

Не удивляйтесь моему письму. Ваш адрес мне сообщил мой друг, который проживает в Тарасове. У меня к вам есть одна просьба. Вернее, заказ. Вы же занимаетесь частной детективной деятельностью? По крайней мере мне так сказали. В общем, я постараюсь вам коротко все объяснить, а вы уж там сами решайте, взяться ли за мое дело. Начну с самого начала. Дело в том, что я вместе с матерью проживаю в Украине, а мой отец, Ведрин Степан Степанович, со своей новой семьей живет в Тарасовской области. Мы с ним постоянно переписываемся. Но вот уже несколько месяцев от него нет

писем и вообще никакой весточки. Я очень за него волнуюсь. Я написал его новой жене, но она ответила, что он уехал в Украину, якобы к нам в гости. Но здесь он не появлялся. Мне это все очень не нравится. Я вас очень прошу, помогите его найти. Заранее благодарен вам. Выслал вам и перевод на небольшую сумму. Не волнуйтесь, деньги не украинские, я отправил доллары. Если этого мало, сообщите через друга. До свидания.

Ведрин Николай».

Далее следовали адрес, по которому проживал отец моего автора письма, и телефон его друга.

Я снова заглянула в почтовый ящик. Ничего. Значит, письмо только-только пришло, а почтовый перевод где-то в пути. Я собралась было продолжить свой путь, тем более что еще толком ничего не решила, и уже сделала несколько шагов, но тут заметила, что прямо около моей ноги, на полу, лежит желтенький листок бумаги. Я подняла его. Оказалось, что это и был тот самый перевод. Сумма, указанная в нем, была приличной. Я закрыла почтовый ящик и поднялась в свою квартиру. Теперь думать о том, браться или не браться за дело, было некогда да и незачем: искупаться я успею всегда, а вот деньги сами на голову не падают, их еще зарабатывать нужно.

Положив полученные бумаги на стол, я для начала решила немного перекусить, на собственном опыте зная, что на сытый желудок думается лучше. Вышла на кухню, достала из

холодильника клубничный йогурт и, расположившись с ним на диване, приступила к размышлениям.

«Итак. Молодой человек просит меня выяснить, где в данное время находится его отец – Ведрин Степан Степанович. Этот самый отец, как следует из письма, проживает с новой семьей в Тарасовской области. Но последнее время мой новый клиент не получает от него известий. Его жена сообщила, что он якобы выехал в Украину. Однако в Украине он не появился. Что следует из этого? Ну, к примеру, сразу возникает вопрос: мог ли мужчина направиться первоначально по гостям, скажем? Мог. Но в принципе мне всего лишь предлагают выяснить, куда он направился, а значит...»

Я снова взяла в руки письмо. Перечитала. Повертела в руках извещение о переводе кругленькой суммы денег на мое имя и снова подумала:

«Да, сумма немалая, а денежки у меня на исходе. Не отправлять же перевод назад, в Украину. Дел у меня других сейчас нет. Поеду-ка я по этому адресу и попытаюсь что-либо выяснить, – решила я в конце концов. – Может, особого труда тут и не потребуется».

Делом я решила заняться сразу же, не откладывая в долгий ящик и не дожидаясь, когда солнце наконец сядет – все равно духота спадет не раньше чем к полуночи. Снова взяв в руки сумочку, в которой лежали самые необходимые мне вещи: от зеркала с расческой до сотового телефона с диктофоном, ну и, конечно, небольшая сумма денег, – я вышла

из квартиры. Сунула в скважину ключ и тут вспомнила, что позабыла про купальник. А он очень даже может мне пригодиться, тем более что из своего опыта работы в деревне я знала, что сельские населенные пункты, как правило, располагаются на берегу больших и малых рек и речушек или в худшем случае прудов. Значит, я смогу в течение жаркого дня воспользоваться водоемом, чтобы чуточку охладиться.

Я снова вошла в квартиру. Когда наконец купальник перекочевал из ранее собранного для посещения пляжа пакета в мою походную сумку, я закрыла квартиру и повернулась к лестнице, чтобы начать спускаться. Но тут увидела, что на лестничной площадке прямо передо мной стоит молодой человек. На вид ему было лет двадцать – двадцать пять, и он очень высокого роста. Такого высокого, что даже мне, совсем не лилипутше, пришлось непроизвольно поднять голову вверх, чтобы увидеть его лицо. Прямо настоящий дядя Степа-великан.

Этот парень явно что-то хотел спросить. По крайней мере мне так показалось, когда я его только увидела. Как оказалось, я ничуть не ошиблась. С минуту помявшись на месте, незнакомец тихо произнес:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – поприветствовала его и я.

– Простите... – вновь начал парень. Затем замолчал, раздумывая. Еще раз внимательно посмотрел на меня и только потом спросил: – А Татьяна Александровна Иванова дома?

Я чуть не рассмеялась прямо ему в лицо. Мне стало понятно, что смущает в данной ситуации незнакомца – мой внешний вид. Точнее, не именно он, а возраст. Ведь все почему-то считают, что если детективом – а парень явно пришел ко мне по делу – является женщина, то ей должно быть не меньше сорока и выглядеть она должна если не как, то по крайней мере очень похоже на мисс Марпл. Я уже успела привыкнуть к тому, что незнакомые мне люди чаще всего принимают меня не за ту, кого ищут, так что уже не обижалась.

– Значит, вам нужна Иванова Татьяна Александровна? – искоса поглядывая на парня, задала я вопрос. Затем улыбнулась и, слегка кивнув, добавила: – Ну если честно, то это я и есть. Будем знакомы, – я протянула руку вперед, пряча улыбку.

Мой ответ немного смутил незнакомца, и он стал неловко топтаться на месте, все так же глядя на меня сверху вниз.

– Могу я узнать, по какому вы вопросу? – не особенно желая торчать на лестничной площадке половину дня, сразу спросила я. – Из ЖКО или по личному?

– По личному, – кивнул он в ответ. – По поводу заказа на расследование.

– Ах вот что! – сразу все поняла я. Это действительно был еще один заказчик. Вот ведь как бывает: то у тебя совсем нет дел и ты мучаешься вопросом – чем бы заняться, а то один за одним валом валят. Ну и что теперь делать: отказаться или

все же выслушать? – К сожалению, – скривив рот, продолжила я дальше, – у меня сейчас есть работа, а двумя делами сразу я не занимаюсь.

– Но, может, вы приступите к моему делу потом, когда закончите то, которым заняты? – с надеждой спросил парень.

– Может быть, – согласилась я, – но только это будет не раньше чем через неделю.

– Я согласен, – активно закивал гость, а затем торопливо спросил: – Мы можем с вами где-нибудь поговорить?

– Я предпочла бы сделать это как раз тогда, когда я смогу приступить к вашему делу, – вежливо намекнула на отказ я. Но тут заметила, что парень как-то озабоченно нахмурился, и рискнула спросить: – Есть какие-то проблемы?

– В общем-то, да, – кивнул он в ответ. – Дело в том, что я не местный, а добираться до вас из нашей глубинки не так-то и просто. Мне было бы удобнее, если бы вы выслушали меня сейчас, а работу начали тогда, когда вам будет удобно.

«А почему бы и нет? – спросила я сама себя. – Будет дельце и про запас». И тут же вслух произнесла:

– Хорошо, я пойду на уступку. Проходите, – я открыла дверь в свою квартиру и немного отошла в сторону, пропуская посетителя вперед.

Мой гость медленно прошел в комнату и разместился в кресле, на которое я ему указала.

– Я вас слушаю, – сев напротив, обратилась я к нему. – Что привело вас ко мне?

Молодой человек обвел взглядом мое жилье и начал:

– Меня зовут Ванька... Простите! Иван Михеев. Я хотел попросить вас... – словно на что-то не решаясь, Иван почесал затылок.

Теперь, уже сидя на диване, я могла спокойно рассмотреть его. Худощавого телосложения, темно-русые волосы. Лицо неброское, такое, как у большинства людей. Такого встретишь второй раз – не узнаешь. Единственное, что особо выделялось на этом лице, – тонкий нос с горбинкой.

Иван явно чувствовал себя не в своей тарелке в моей маленькой квартирке. Он весь словно свернулся в кресле, дабы не занимать много места. А его худые длинные ноги находились чуть ли не посередине моей комнатки.

– В общем, несколько недель назад я вернулся из армии, – наконец начал он. – До того времени я вместе со своим отцом, Михеевым Иваном Ивановичем, жил в доме его... мм... гражданской жены Галкиной Татьяны Андреевны. А когда я вернулся, его, отца, там уже не было.

Он снова посмотрел на меня. Попытался подобрать свои ноги, видно, чувствуя себя не очень уверенно и уютно.

– Но чем я могу вам помочь? – ничего еще пока толком не поняв, спросила я. – Если у вас пропал отец, то вы обратились не по адресу. Дело в том, что розыском пропавших людей у нас обычно занимается милиция. Я же, как правило, веду расследование убийств, – пояснила я на всякий случай, совсем не заинтересовавшись началом рассказа гостя.

– Вот, вот, – как-то сразу заторопился тот после моих слов. – Я думаю... Вернее, так говорит бабка Фекла... В общем, скорее всего, его как раз-таки и убили.

– И все-таки, – решила до конца прояснить ситуацию я. – Он исчез или его убили?

Ванька снова почесал затылок:

– Я думаю, что убили.

Я задумалась. Если у парня действительно убили отца, то он – мой новый клиент и заказчик очередного расследования. Это хорошо. В ближайшее время у меня недостатка в работе не будет, значит, не будет и денежных проблем, а это радует.

Я повернулась к парню и, внимательно посмотрев ему в лицо, произнесла:

– Давайте по порядку. Ваш отец проживал с... вашей приемной матерью, а не с вашей настоящей мамой. Правильно я поняла?

– Да, правильно, – ответил парень и пояснил: – Моя мать умерла при вторых родах вместе с ребенком.

– Вы вернулись после службы в армии, и отца не оказалось дома? Так?

– Да, так, – снова подтвердил мой гость.

– Но почему вы решили, что его кто-то убил? Может быть, он просто куда-то уехал? – задала следующий вопрос я.

– Он не мог никуда уехать, – пояснил Иван. – У него для этого просто не было денег. Он давно нигде не работал.

– Но, может быть, кто-то ему одолжил нужную сумму?

– Нет. Ему никто не даст денег.

– Почему? – удивилась я.

– Потому... Потому что он... Он очень сильно пил в последнее время. А кто даст пьянице деньги? – изрек свой приговор тот.

– Ясно, – вздохнула я и продолжила беседу дальше. – Скажите, Иван, а почему же все-таки вы решили, что его убили?

– Я не решил, – неопределенно замотал головой тот. – Бабка Фекла утверждает, что видела его мертвого.

– Кто она такая, эта бабка Фекла? – поинтересовалась я.

– Моя бабушка, мать отца. Она жила с ними: отцом и его сожительницей. Хотя она и сейчас там живет.

Я что-то никак не могла понять некоторых вещей из рассказа моего гостя. Он утверждает, что эта самая бабка Фекла видела его отца, то есть своего сына, мертвым. Но если он был мертв, тогда его должны были похоронить. При чем здесь тогда я – частный детектив?

Именно это я и решила выяснить сейчас же у моего посетителя. Но Иван сам продолжил свой рассказ.

– Дело в том, – начал он, – что бабка Фекла... мм... того... – он повертел пальцем у виска. – В общем, она не совсем в себе.

– Как это? – не поняла я.

– А так. Ей уже очень много лет, и она порой все путает. Иногда она правильно мыслит и говорит, а иногда – несет

какую-то чушь, – изрек Иван.

Я тряхнула головой.

«Отлично! Только этого мне и не хватало. Что ж получается – мне придется заниматься расследованием, опираясь на бред старой бабки Феклы, которая все путает и забывает? Или, может быть, никакого расследования и не будет? И все-таки необходимо разобраться до конца, а то, может, сразу нужно отказать этому парню и не морочить себе зря голову».

– Что конкретно говорит ваша бабушка? – снова спросила я.

Иван опустил глаза, снова попытался разместиться в кресле поудобнее. Помолчал некоторое время и произнес:

– Я не могу сказать вам то, что вы хотите услышать от меня. Лучше будет, если вы сами поговорите с ней, – пара внимательных, ожидающих глаз посмотрела на меня.

И я просто не могла отказать, видя, как они молят о помощи.

– Хорошо, – выдохнула я почти необдуманно. – Я попробую вам помочь. Но вы должны понимать, что...

– Я понимаю, – перебил меня гость. – Деньги у меня есть. Я служил в одной из «горячих точек» страны и кое-что заработал.

– В таком случае все вопросы решены, – вставая, сказала я. – Осталось лишь выяснить у вас точный адрес всех упомянутых лиц, а также название вашего поселка.

– Да, конечно! Я был уверен, что они вам потребуются,

поэтому сразу все написал. Вот, – он сунул руку в карман, затем сразу вынул ее и протянул мне немного смятый кусок бумаги.

Я взяла его в руки и посмотрела на записи, сделанные корявым, почти мальчишеским почерком, таким, какой обычно бывает у двоечников. Сверху были написаны полные имена отца, его сожительницы и полоумной бабки, а чуть ниже – адрес. Я скользнула по нему взглядом и буквально открыла рот.

– Село Сухая Рельня? – сорвался с моих губ вопрос.

– Да. А что вас так удивило? – переспросил парень, немного сбитый с толку моей реакцией.

– Так я же... – я не стала договаривать начатого, решив: незачем молодому человеку знать, что именно в это самое село я только сейчас собиралась ехать. И что именно в нем живет жена Ведрина Степана, который также числится пропавшим.

– Что вы? – все же переспросил молодой человек.

– Нет, ничего, – отмахнулась я, внутренне даже радуясь тому, что мне не нужно будет мотаться то в одно, то в другое место, а можно будет некоторый период пожить в деревне, а заодно и разобраться с обоими этими делами. Как-никак, а детектив я хороший, профессиональный, и, значит, мне вполне по силам попробовать заняться распутыванием сразу двух дел. Ведь мало ли что бывает, вдруг они между собой как-то связаны, что часто случается в маленьких селах.

– Так, значит, вы займетесь моим делом? – видимо, пока не поняв, что я решила, снова спросил Иван.

– Да, да, конечно, – закивала я. – Прямо сейчас и займусь.

– Но вы же сказали, что...

– Я передумала, – перебила я парня. – Можете не волноваться, я займусь вашим делом.

– Да? Ну тогда я, – также встал с кресла парень, – наверное, пойду.

Я распрощалась со своим вторым клиентом, сразу решив для себя, что поеду одна, без сопровождающих. Я не очень люблю, когда меня отвлекают глупыми вопросами и рассказами во время езды. В машине я отдыхаю и размышляю, так что посторонние мне совсем ни к чему. Впрочем, парень, конечно, мог показать мне кратчайший путь до села, но я предпочла отыскать в шкафу географическую карту Тарасовской области, решив, что по ней мне тоже будет удобно определить местонахождение нужного населенного пункта.

Разложив карту на столике перед собой, я отыскала село, примерно определила путь до него и, покинув квартиру, направилась к любимой своей бежевой «девяточке», без которой я все равно что без рук. Открыв ее салон, забросила на заднее сиденье свою сумочку, затем пооткрывала все окна настежь, чтобы устроить хоть какое-то проветривание в душном салоне. Затем села за руль, завела машину и тронулась в сторону ближайшей автозаправки, чтобы залить полный бак бензина.

Моя «девяточка» неслась пока еще по ровному шоссе. А я знала наверняка, что чуть дальше дорога, по которой мне придется добираться до деревни, может оказаться далеко не такой ровной и широкой, как эта. Более того, ее, дороги, может не быть вообще. И кто знает, на какое время я тогда застряну в селе Сухая Рельня, прежде чем вернуться в родной Тарасов и позволю себе вновь пронестись с ветерком по трассе.

В голове у меня в данный момент было пусто. Мыслей, тем более умных, не было. Я включила на всю громкость радиоприемник и просто наслаждалась музыкой, быстрой ездой и обзорением проносящихся мимо моего авто пейзажей.

Яркое летнее солнце слепило глаза. Я переместила темные очки со лба на глаза, так как солнечные блики били от асфальта, мешая видеть дорогу, и, чуть увеличив скорость, поехала дальше.

Очень скоро я добралась до нужного поворота и свернула влево. Здесь дорога представляла собой насыпь с тонким слоем рваного асфальта. Неровное покрытие говорило о том, что ее, дорогу, только что пытались отремонтировать. Отдельными проплешинами на ней лежали заплатки свежайшего битума, создавая впечатление лоскутного покрывала. Мало того, вся дорога напоминала мятую ленту, волнами петлявшую между оврагами, лесочками и полями, как будто

кто-то специально таким образом увеличивает расстояние для путешествующих по нашей и без того необъятной России.

Скорость пришлось, конечно, снизить, но все равно я ехала пока довольно быстро. Вспомнились слова моего утреннего посетителя, Ивана: «От поворота влево необходимо проехать еще километров двенадцать-тринадцать, до реки». «Значит, мне осталось еще километров пять. Совсем немного», – решила я, вдыхая прохладный воздух, влетающий в окна машины и приятно ласкающий лицо. Мое настроение было на взлете, и всему виной были те прелестные пейзажи, что проплывали мимо.

Да, природа здесь была иная, нежели вблизи нашего Тарасова. Здесь не было огромных необжитых пространств и лугов, поросших различными степными травами, посреди которых торчат то тут, то там брошенные дома или неухоженные дачи. Тут было все иначе: поля и поля кругом, куда хватает глаз.

Но вскоре с обеих сторон дороги стали появляться одиноко стоящие деревья, которые постепенно переходили в небольшие участки леса. Хвойные деревья чередовались с лиственными: сосны сменяли белоствольные красавицы березы, осины с дрожащими на ветру листьями, клены и могучие красавцы дубы. Постепенно деревьев становилось все больше и больше. И теперь уже они окружали дорогу со всех сторон.

Любуясь ими, я вспомнила, как однажды, ведя расследование одного из своих дел, попала в Подмосковье. Там, в смешанных лесах, преобладали хвойные деревья – ели и сосны. Оттого леса казались угрюмыми и суровыми. Здесь же было больше деревьев лиственных пород, поэтому лес выглядел светлее и веселее. А может быть, эту веселость и светлость ему придавали солнечные лучи, просачивающиеся между листьев к земле. Ведь сегодня так много солнечного света!

Но вдруг солнечного света стало еще больше. Я непроизвольно нажала на тормоз и закрыла глаза. Через некоторое время снова открыла их и всмотрелась вперед. Создавалось впечатление, что на пути лежит большое зеркало и солнечные лучи, отражаясь от него, резко бьют в глаза, ослепляя водителя.

Сняв и протерев очки, я снова водрузила их на место. Перед глазами у меня простиралась... река. А дорога... обрывалась, упираясь в расстилавшуюся впереди водную гладь.

– О боже! Что это? Как может быть, чтобы дорога заканчивалась вот так неожиданно, не достигнув нужного мне места? А что дальше? – задала себе вопрос я и попыталась взглянуть в даль.

Это удалось мне с большим трудом, так как широкая водная гладь отражала от своей поверхности солнечный свет и слепила. Река была действительно широкой, и по ее поверхности медленно проплывали остатки деревьев, кусты, кучи

прошлогодней травы и прочих хлам.

– Вот тебе и Сухая Рельня, – невольно усмехнулась я, вспомнив, что, судя по карте, рядом с селом протекает река с тем же названием. – И кто только придумал так ее назвать?

Я никогда еще ранее не попадала в такую нелепую ситуацию и немного растерялась, совершенно не зная, что предпринять дальше. Мое романтическое настроение, нахлынувшее за время пути, сразу же исчезло, уступив место нервозности и нетерпеливости. Выйдя из машины, я попыталась приглядеться к открывшейся моему взору картине, надеясь отыскать где-нибудь по соседству другую, объездную дорогу. Но увидела впереди лишь несколько сельских домиков. По всей видимости, это и было село Сухая Рельня, куда я держала свой путь, да только вот находилось оно на другой стороне реки. Всюду, куда доставал взгляд, были вода и лес. Моста или чего-то подобного здесь не наблюдалось.

Я нервно пнула ни в чем не повинную машину ногой по колесу и, выругавшись, начала снова изучать местность. Да что ж такое? Но ведь как-то же в это самое село попасть можно! Через некоторое время я действительно кое-что заметила: справа от меня располагалась какая-то техника – то ли тракторы, то ли машины. Все стояло в стороне под деревьями, и поэтому сразу я их не увидела. Рядом с техникой копошились какие-то люди. Недолго думая, я направилась в их сторону.

Пока я шла в сторону техники, успела заметить, что от

противоположного берега реки отчалила небольшая лодчонка, в которой маячила человеческая фигура. Это незамысловатое суденышко через несколько минут причалило у берега, на котором остановилась я. Из лодки вышел мужчина неопределенной наружности и возраста. На нем была то ли темная, то ли грязная одежда: штаны, шапка-ушанка, явно не по погоде, и старая драная фуфайка. А на ногах – болотные сапоги.

Я остановилась, обдумывая, идти ли дальше к тем, кто дремал у техники, или же направиться к лодочнику. Додумать мне не удалось, так как лодочник сам окликнул меня:

– Эгей, красавица! – даже помахал он рукой. – Ты это не к нам ли пожаловала?

– Если это село Сухая Рельня, – ответила, сглотнув слюну, я, – то к вам.

– Ага, Сухая. Сухая Рельня, – закивал головой тот, и на лице его появилась легкая усмешка. – А что, не верится? Ну да ничего, – не дождавшись с моей стороны никакого ответа, продолжил он, – бывает у нас и такое. В пруду соседнем плотину прорвало, вот вся вода сюда и хлынула. А речка-то засорена, вот воде и некуда деваться, не пробьется она сквозь мусор-то никак. Прямо настоящее половодье получилось, да еще посередь лета.

Пока лодочник объяснял, откуда тут взялось столько воды и почему дорога оказалась перерезанной, я размышляла про себя о машине. Проблема состояла в том, что ее совершен-

но некуда было девать, и если я переправлюсь на тот берег реки, то кто же останется присматривать за ней? Не могу же я бросить ее вот здесь просто так.

– Ну, давай. Залезай в лодку, – пригласил меня лодочник, даже и не подозревая о моих мыслях.

– Не могу. Машина у меня, – взмахнула плечами я. – Очень надо к вам, но...

– А, машина... – Мужчина вышел из лодки, сложил руки рупором и крикнул в сторону мужчин, которые копошились у примеченной мною техники: – Мужики! Помощь нужна!

Мужики молча направились в нашу сторону, ни о чем даже не спрашивая. Это были два крепыша-сельчанина, одетые точно так же, как и лодочник, – во что-то несусветное и не по сезону.

– Твоя машина? – спросил один из них, подходя к нам ближе.

– Моя, – кивнула я, на мгновение почувствовав себя маленькой девчонкой.

– Садись в нее, – скомандовал тот.

– Не поняла... – удивилась я.

– Чего не поняла? Садись, говорю. Сейчас на стоянку откатим, – заключил мужчина.

Я пожала плечами, но спорить не стала и молча забралась в машину. Им видней, да и мне помощь не помешает. К тому же сельские свою местность знают, так что наверняка лучше и быстрее меня решат неразрешимые для меня проблемы.

Мужчины навалились на мою «девяточку» сзади и быстро, как мне показалось – без особых усилий, откатали мое авто в сторону, под дерево, припарковав рядом с находящейся здесь же техникой. А как оказалось при более близком рассмотрении, техника здесь была самая различная: от тракторов и машин, запачканных, что называется, «по уши» в грязи, до старенького «пазика» и «Москвича» последней модели, по соседству с которым была поставлена и моя «девятка». Видимо, все эти средства передвижения зависли здесь до тех пор, пока не уйдет вода.

– Все. Готово, – заключил все тот же мужчина. – Можешь закрывать ее, – он провел огромной ладонью по крыше моего авто. – И дуй в лодку. Рашпиль тебя быстренько через речку переправит.

Я закрыла машину на ключ, прихватив с собой все, что необходимо.

– Ну, че? Пошли? – спросил лодочник со странным именем Рашпиль.

– Пошли, – вяло ответила я и последовала за переправщиком.

Когда мы достигли лодки, мой проводник указал на ее нос и произнес:

– Садись вон туда, вперед. Там на тебя меньше воды попадать будет. Передок немного повыше.

Я села на указанное место, вцепившись обеими руками в борта лодки. Да... Такого приключения у меня еще не было.

Интересно, что ждет меня впереди? Нет, конечно, раньше я тоже совершала путешествия по воде. Но это, как правило, было по Волге и на большом катере. Или на добротной лодке по воде маленького спокойного прудочка в городском парке. А это плавание было совершенно иное и не шло ни в какое сравнение с предыдущими.

Старенькая да еще и дырявая лодчонка, которой, видимо, было больше лет от роду, чем мне, вся скрипела и, казалось, готова была переломиться надвое уже через несколько метров путешествия. Даже не слишком сильное течение реки кидало ее из стороны в сторону, словно спичечный коробок. Я не была трусихой, но все же решила ухватиться еще покрепче за борта этого суденышка. Но руки срывались с покрытых сыростью досок, а на ладонях оставалась неприятная на ощупь слизь. В конце концов я сложила руки на коленях и стала смотреть на воду.

По последней медленно ползли обломки деревьев и кустов, кучи какого-то мусора. А на одной из коряг, проплывающих мимо, я заметила змею. Та высоко подняла переднюю часть своего тела, видно, решила воспользоваться случаем и перебраться с ветки, на которой сидела до сих пор, к нам в лодку.

– Кыш, – махнув рукой в ее сторону, попробовала я отпугнуть зверюгу – не очень-то мне хотелось быть ею укушенной.

– Не бойсь, – подбодрил меня лодочник. – С Рашпилем не пропадешь. Не первый год рулю и этих живностей столь-

ко повидал! Сызмальства гадин тут отлавливал. А сколько их меня покусало, даже и не припомнить нынче. – Он поднял весло вверх и с шумом опустил его на поверхность воды. Змея зашипела и повернула в сторону. – Полно их здесь, но все привыкли.

Лодочник озабоченно покачал головой. Наконец лодочника причалила к берегу. Здесь уже толпились пацаны, предлагая свою помощь: кто тянул лодку на берег, кто протягивал руки, чтобы помочь мне сойти на землю, кто-то предлагал донести мою сумку.

– Ты к нам надолго? – поинтересовался Рашпиль на прощание.

– Не знаю. Скорее всего на несколько дней, – ответила ему я. – А что?

– Да так, ради интересу спросил. Ты им, – он кивнул на пацанят, – скажи, чтобы в Красный уголок тебя доставили.

– А что это? – уточнила я сразу.

– Да домик заброшенный один. У нас в нем все приезжие останавливаются. Бабка Паша, что по соседству живет, гостиницу из него сделала, – мужчина засмеялся. – Вишь как деньги зарабатывать придумала, старая! Насмотрелась сериалов своих, чудачка.

– Спасибо, – поблагодарила я дедка за помощь. Затем повернулась к мальчишкам и, подмигнув, сказала: – Ну что, доставите меня в ваш Красный уголок?

– А то! – важно выдал один. – Будете вместе с доярками

там чай гонять.

– А доярки что, там тоже живут? – не поняла я.

– Да нет! Так, заходят на обед, чтобы домой не ходить. Изба-то крайняя, ближе всего к стойлу.

«М-да... – протянула я про себя мысленно. – Видала ли ты такое, Танечка? Пожалуй, нет. Деревня почти что затерянная, зато с гостиницей. Что ж, похоже, ночлег тебе обеспечен. А вот, интересно, спать-то на чем придется? Ведь не на голом же полу?»

Но спать на полу мне не пришлось. Когда пацаны дружной компанией сопроводили меня в Красный уголок, я обнаружила, что здесь довольно мило. В большом добротном доме было несколько комнат. Одна из них, самая большая, представляла собой подобие гостиной. Здесь был старый диван, не менее старый стол, на котором лежали карты, домино, коробка с шахматами, а также несколько вполне приличных стульев, большой самовар в углу на тумбочке и большое количество комнатных цветов. Здесь расположились на отдых несколько женщин, которые «гоняли чай», как выразилась мальчонка.

Другая комната была закрыта и, видимо, служила подсобным помещением или кладовкой. А третья представляла собой маленькую спальню, где были три металлические кровати, застеленные старенькими, но чистенькими постельными принадлежностями, два стула и платяной шкаф.

В этой самой комнатке меня и поселила одна из женщин

неопределенного возраста. Мне вообще-то показалось, что ей уже более пятидесяти.

– Располагайтесь, не стесняйтесь, – сказала она, когда ребята пояснили ей, что меня привез дед Рашпиль. – Сейчас здесь у нас никто не живет пока. Время не то, отрезаны мы от мира всего. А то обычно еще приходится дополнительные кровати ставить, когда посевная или уборочная, например. Если что-то понадобится, меня найдете, меня тут теткой Натальей все кличут. Так что так и зовите, я не люблю, когда по отчеству.

Я кивнула, рассматривая ее. Тетка Наталья была высокой дородной женщиной. Одета сейчас она была в спортивный костюм темного цвета, скорее всего принадлежащий ее мужу, и светлый платок. Несмотря на свою внушительную фигуру, двигалась она по комнате очень быстро и ловко, успевая и разговаривать, и выполнять одновременно сразу несколько дел – начиная от поливки цветов и кончая влажной уборкой помещения.

– Хорошо, – поблагодарила я женщину. – Если что-то понадобится – обращусь. Только скажите, сколько я вам должна за день проживания здесь? – решила я сразу прояснить и эту тему.

– Потом сочтемся, – равнодушно махнула рукой та. – С дороги такие вещи не решают.

«Странно тут все как-то, – приземляясь на пружинистую кровать, подумала я. – Никто ничего не спрашивает, ничем

не интересуется, словно бы и дела до меня никакого нет. Такое мне приходится видеть впервые».

ГЛАВА 2

Оставшись одна в этой импровизированной гостинице, я попыталась составить план своих дальнейших действий, но, немного подумав, решила пока просто пройтись по селу и хоть чуть-чуть осмотреться на местности, где мне предстоит работать. А заодно поискать и дом Ведрина, как-никак, а его поиски у меня должны быть на первом месте.

Приняв такое решение, я покинула свои покои, закрыла дверь и вышла в комнату, где все еще «гоняли чай» доярки. Остановившись перед ними, спросила, где находится дом Курник (именно такой была фамилия гражданской жены Степана). Одна из женщин описала мне дорогу, предварительно, конечно, поинтересовавшись, кто я и зачем приехала, и только потом я смогла направиться на улицу. Выйдя на крыльцо, остановилась и осмотрелась.

Село Сухая Рельня, куда я приехала, оказалось немаленьким. Гораздо больше, чем мне подумалось сначала. Дома в беспорядке были разбросаны на берегу речушки, вообще-то неширокой, а только сейчас наполненной водой из пруда. Одни из них окнами были направлены на восток, другие совершенно в противоположную сторону. Поэтому получалось так, что там, где у одного хозяина подворье, зады, как говорят в селе, у другого, наоборот, парадный вход. Больших улиц, улочек и переулков здесь было несметное количество.

Но, как и в большинстве сельских населенных пунктов нашей области, названий они не имели.

Несколько улочек расположились на берегу речки, обычно представлявшей собой небольшой ручеек, как рассказывал мне дед Рашпиль. Сейчас же казалось, что дома на этой улице стоят очень уж близко к воде, прямо на берегу, а надворные постройки некоторых из них даже частично погрузились в саму реку.

Я повернула голову в другую сторону. Те улочки, что были здесь, буквально жались к лесу, который окружал деревню со всех сторон. Сосны и березы, осины и клены, ивы и фруктовые деревья вперемешку соседствовали друг с другом. Воздух здесь был необычайно чист и насыщен. Хотелось дышать всей грудью.

– М-да, вот и найди тут нужный дом, – протянула я растерянно, понимая, что по тем объяснениям, которые только что получила от женщин, дойти явно никуда не смогу. Похоже, что здесь отродясь не было на домах никаких номеров. И как только почтальон села доставляет почту адресатам? Хотя, скорее всего, он помнил всех поименно и в лицо. Для меня же было большой проблемой просто сориентироваться в данном населенном пункте. Лабиринт, да и только.

Не помню точно, сколько времени я плутала по закоулкам и улочкам, но в конце концов мне все же удалось найти дом Ведрина. Спасибо пожилой женщине, указавшей мне на двухквартирное строение и буквально спасшей мои бедные

ноги от бесполезного шатания по неровным дорогам. Остановившись возле этого самого дома, я внимательно осмотрела его и поняла, что в нем должны жить две семьи, так как одна его половина была крыта железом и окрашена в синий цвет, другая, меньшая, – шифером, и остатки краски, давным-давно нанесенной на деревянные стены, доказывали, что эта часть строения в далеком прошлом была зеленой. Именно к хозяевам этой половинки дома я сейчас и держала свой путь.

Я подошла к деревянному забору, который был настолько старым и ветхим, что, казалось, первый же сильный порыв ветра уложит его на землю, точно домино. Затем без труда открыла маленькую калиточку и прошла внутрь двора.

Здесь меня громким лаем встретила дворовая собачонка, лохматая и неприятная на вид. Пес, звонко таявка, метался по двору из стороны в сторону, не имея возможности добраться до непрошеного гостя, каковым в данный момент являлась я. Цепь, на которую он был посажен, свободно скользила по проволоке, натянутой между двумя металлическими колышками. Около этой проволоки собачонка, видимо, обитающая здесь продолжительное время, натоптала ровную дорожку, на которой отсутствовала какая-либо растительность.

Весь остальной двор, очень просторный, совершенно зарос травой. Трава подступала близко к дому, к тропинке, которая вела к жилищу, ею же зарос и старый фруктовый сад.

Деревья, которые давным-давно не знали секатора и ножовки, имели вид одичавших сородичей, часто встречающихся по лесопосадкам в нашей области.

Я подошла к двери дома и громко постучала в нее. Через некоторое время на пороге возникла хозяйка. Это была миловидная женщина лет сорока – сорока пяти, крашеная блондинка, о чем свидетельствовали темные корни отросших уже волос и черные, как смоль, брови и ресницы. Широко улыбаясь, хозяйка, мешая русские слова с украинскими, спросила:

– Вы к кому? Шо вам надо?

– Мне нужна семья Курник, – ответила я, продолжая рассматривать женщину.

Одета она была в обтягивающие шортики черного цвета и красный топик. Черты лица были очень приятными: маленький вздернутый носик, тонкие губы и широко открытые глаза. Весь внешний вид этой женщины располагал к общению.

– Тогда вы попали правильно, – ответила она мне и тут же добавила более громким голосом, чуть повернув голову: – Евдокия, Афанасий, до нас гости.

Пропустив меня внутрь, женщина выглянула за дверь и лишь затем закрыла ее, задвинув задвижку. Меня это немного смутило. Как я знала из опыта общения с сельскими жителями, в деревнях редко кто закрывается днем. Как правило, в то время, пока на улице светло, двери не заперты. Хозяева не имеют привычки закрываться, находясь в доме, и

даже распахивают все двери настежь, выбираясь во двор. Но тут была настоящая глубинка, и все оказалось немного иначе, чем я привыкла.

Хозяйка провела меня в небольшую комнату, которая служила одновременно и столовой, и залом, и спальней для обитателей дома. И лишь небольшое пространство, отгороженное стругаными досками и разнообразными занавесками, служило чем-то вроде кухни, так как сквозь щели в этих занавесах была видна посуда на полках, развешанных вдоль стен, и старенькая газовая плита.

Хозяйка дома, убрав с кресла лоскуты ткани, пригласила меня располагаться в нем. Мебель здесь тоже была очень старой: кресло, диван и большой светлый шкаф, несколько самодельных полок на стенах – вот, пожалуй, и вся обстановка. И диван, и кресло, и даже небольшая тумбочка были застелены лоскутными покрывалами-скатертями.

На диване прямо напротив меня сидел парнишка лет шестнадцати, а девушка, точная копия своей матери, полулежала на диване, подобрав под себя ноги.

– Я слушаю вас, – проговорила хозяйка дома, располагаясь на табурете.

– Меня зовут Татьяна Иванова, – представилась я. – Я частный детектив и в данный момент занимаюсь расследованием исчезновения вашего мужа, Степана Степановича. Об этом меня попросил его сын, живущий в Украине. – Выражение лица женщины почти не изменилось, на нем лишь по-

явилась какая-то сосредоточенность и чуть больше внимания к моим словам. – Меня интересует, когда и куда уехал ваш муж, Ведрин Степан Степанович? – с ходу перешла к делу я.

Обитатели дома, переглянувшись между собой, чуть ли не в один голос ответили:

– В Украину.

– Как давно это произошло? – задала следующий вопрос я, внимательно наблюдая за всеми присутствующими.

– Да уж месяца два, наверное, – ответил паренек.

Мать и сестра, соглашаясь, закивали головами.

– А зачем он поехал в Украину? – был новый вопрос от меня.

– Как зачем? Мы ведь раньше жили в Украине. Там у нас остались родственники. Вот Степан и поехал в гости, – начала рассказывать хозяйка дома. – Что ни говори, а родина, она тянет к себе. Да вы располагайтесь поудобнее. Если не торопитесь, я сейчас вам все расскажу подробненько.

Нет, торопиться мне было некуда. Я за тем и приехала, чтобы все подробно узнать по этому поводу и дать ответ заказчику. Так что времени у меня море.

Я кивнула, а хозяйка дома тем временем продолжала:

– Ой, да я вам, кажется, не представилась, – она снова заулыбалась своей приятной улыбкой. – Меня кличут Соня.

– Очень приятно, – проговорила я, вновь рассматривая женщину.

Ее широко открытые глаза, как-то по-детски смотрящие на мир, ее улыбка, тонкая девичья талия в облегающей одежде, ее приятный быстрый говорок на украинский манер – все притягивало мое внимание, и это несмотря на то, что я не была такой уж доверчивой и наивной особой, как многие. А хозяйка продолжала говорить и говорить.

«Точно, как героиня из „Вечеров на хуторе близ Диканьки“, – заметила я, слушая ее. – Все же настоящую украинку не спутаешь ни с кем».

– Мы со Степаном жили в Украине восемь лет, – активно жестикулируя, приятным голосом пела женщина. – А как Советский Союз стал разваливаться, решили переехать сюда, в Тарасовскую область. Ой, знаете, – она всплеснула руками, – у нас ведь с ним давняя любовь. В детстве я была озорная дивчина. С парубками больше водилась. У брата всегда дружки ватагой были, а я за ними хвостиком всегда ходила. Они от меня убегали, прятались, а я все равно за ними... Как-то вот компании подруг мне скучными казались. А мальчишки – другое дело. Я с ними кругом лазила. Потом в школу пошла, а все равно с ними. А уж когда в классе седьмом или восьмом была, Степан за мной стал ходить. Влюбился, – она звонко рассмеялась.

Я слушала ее рассказ, а сама рассматривала ее детей.

Афанасий и Евдокия продолжали сидеть на диване, внимательно слушая мать, будто им все это было совершенно неизвестно. Причем внимание их мне в первые минуты по-

чему-то показалось немного неестественным. В целом же Евдокия весьма мило улыбалась и даже иногда напоминала матери о каких-то интересных, на ее взгляд, моментах молодости той. Просила подробнее остановиться на том или ином сюжете. Афанасий же, высокий и худой паренек, все время отпускал шуточки, выискивая в рассказе матери смешные стороны. У него это получалось как-то само собой, к месту и незлобиво.

Я понимала, что не все из этого рассказа мне понадобится в процессе работы, но не могла прервать повествование, так быстро и легко оно лилось. Я только успевала крутить головой, слушая то одного, то другого рассказчика.

– Сейчас я вам покажу фотографии. – Соня встала со стула, направилась к одной из полок, на которой лежали несколько книг и большой фотоальбом. – Это мои родители, а это я, еще в садике, – рассказывала она, перелистывая страницу за страницей. – Это школьные. А это свадебные. Нет, не со Степаном. – Она снова засмеялась. – С ним у нас свадьбы не было. Это мой муж, отец детей, – она ткнула пальцем в изображение жениха. – Степан в армию ушел, а я за его дружка выскочила. Только школу окончила, еще и семнадцати мне не было.

– А это наша квартира в Украине, – подключилась дочь. – Правда, мама, у нас там здорово было? – будто с сожалением проговорила она.

– А мне здесь больше нравится, – вставил замечание сын.

– Да это потому, что у тебя здесь голуби твои любимые, – отшутилась сестра.

– Да, голуби и голубки, – быстро среагировал тот. – Нам с отцом здесь больше по душе.

– Так ведь он рыбак, ему речку подавай. А в Украине у нас речки рядом не было, – продолжила Евдокия.

– Да-а, – протянул Афанасий как-то устало, а затем спросил: – А помните, как он леща ловил?

– Ну да, – рассмеялась сестра.

– Знаете, – теперь уже Афанасий обратился ко мне, – отец рыбачить любит. С раннего утра уже на речке, и зимой и летом. Вот однажды ранней весной, когда еще лед до конца не сошел, отправился с косынкой на леща. Ну, с небольшим куском сетки, натянутой на каркас в виде квадрата, – пояснил он, решив, что я могу не знать, что такое косынка. – К нему шест длинный крепится. Держишь за шест, а сетку опускаешь в воду. Через несколько минут поднимаешь, а там рыба. Как правило, мелочь так вылавливают, на приманку или наживку. Вот отец один раз опустил свою косынку, а когда поднял, то в сетке вместе с мальками большущий лещ трепыхается. Он обрадовался, бросил косынку и давай леща руками ловить.

– Ага, – подшутила Евдокия. – В результате и малька, и леща упустил.

– А какой мокрый пришел! С одежды вода течет, в сапогах хлюпает... И самого трясет. Замерз, пока до дома шел. Мы

тогда перепугались. Боялись, что простынет.

Все дружно посмеялись, вспомнив этот случай.

Когда альбом был досмотрен до конца, а семейство Курник могло еще продолжать и продолжать рассказывать, я, распрощавшись с гостеприимными хозяевами, покинула их дом. Мне необходимо было проанализировать все то, что удалось узнать, и принять решение о дальнейших действиях. Медленно шагая по улице и наслаждаясь вечерней прохладой, я размышляла.

«Итак, Ведрин Степан Степанович является вторым мужем Курник Сони. Эта приятная украинка его гражданская жена. У нее от первого брака есть дочь Евдокия – девятнадцати лет и сын – шестнадцати лет. У Степана в Украине остались первая жена, с которой он до сих пор состоит в браке, развода не было – об этом я узнала все со слов той же Сони, – и взрослый сын, мой заказчик. Семья Курник проживает в этом селе около восьми лет. Значит, всех членов этой семьи должны знать местные жители. Стоит переговорить с соседями, тем более что милая семейка пока так и не сказала мне ничего нового, в голос утверждая, что Степан уехал из дома около двух месяцев назад, якобы к родственникам в Украину. Но ведь он там не появился! А раз ни первая, ни вторая его семья не знают о местонахождении мужчины, то где же тогда он может быть? Почему сын настаивает на розыске отца именно здесь, у нас в области?»

Куча вопросов теснилась в моей голове, но ответов ни на

один из них я пока так и не находила. Необходима была другая информация, из уст посторонних, а не от семьи. Ведь что ни говори, а в деревне утаить от соседей что-либо фактически невозможно и все рано или поздно все узнают. К тому же если Курник имеют какое-то отношение к исчезновению Степана, то они, конечно, будут морочить мне голову и уж точно ничего не расскажут. Зато посторонние выложат сведения без утайки.

Я осмотрелась вокруг, ища глазами тех, кто мог мне помочь с новой информацией. В тени дерева на лавочке возле соседнего дома сидела пожилая женщина и, периодически отщипывая от куска хлеба небольшие порции, быстро жевала их. На ней был старенький халат, полы которого были порядком потерты и засалены, словно о них постоянно вытирали руки, хотя не исключено, что именно так оно и было. Волосы женщина собрала в хвост и покрыла яркой косынкой. Не задумываясь, я направилась к ней.

– Здравствуйте, – поприветствовала я ее, подходя ближе.

Женщина ответила на приветствие и пригласила присесть рядом с ней. Свободного времени у нее, видимо, было много, а с кем его скоротать, ей было все равно.

Я села на лавочку. Здесь, в тени большой березы, росшей в палисаднике перед домом, было гораздо прохладнее. Солнечные лучи не проходили сквозь крону дерева, и создавалась приятная тень.

Женщина оказалась очень словоохотливой. Узнав о при-

чине моего приезда в село, она, не переставая при этом жевать хлеб, стала рассказывать:

– А, Степан... Ой, это такая хорошая семья. Уж такую редко сейчас встретишь. Всегда поговорят, спросят о здоровье... Хорошие люди. И живут здесь не очень давно, но со всеми ладят. Хорошие люди. И Степан, и Сонечка, и детки их.

– А куда уехал Степан? – задала я женщине главный из интересующих меня вопросов.

Женщина, не переставая жевать, продолжала рассказывать дальше:

– На родину поехал. Стариков навестить, а может, еще кого. Тосковал, наверное. Ведь там родился и вырос. Родина-то, она всегда зовет. Вот и я... Тоскую тоже. Я не здешняя, хотя уж почти сорок лет тут живу.

Далее она начала повествовать о том, где и когда родилась, с кем и почему приехала сюда, и так далее, и тому подобное.

– А когда он уехал? – не желая слушать лишнее, перебила ее я, прекрасно зная, что повествование о жизни может затянуться надолго.

– Кто? – не сразу поняла она мой вопрос.

– Сосед ваш, Степан, – пояснила я.

– А, сосед. Да уж месяца два-три как. Примерно так.

В это время к нам подошла еще одна пожилая женщина, приблизительно того же возраста, что и та, рядом с которой я сидела. Видимо, заметив нас, она решила поинтересовать-

ся, что за новое лицо объявилось в их селе, а заодно и скоротать свободное время.

– Слышь, Шур! Вот девушка о нашем соседе расспрашивает, – тут же ввела ее в курс дела моя собеседница. – Хочет узнать все о нем, куда да зачем уехал. Может, ты чего о нем знаешь?

Подошедшая женщина не стала присаживаться рядом, а остановилась под тенью дерева и равнодушно переспросила:

– Сосед? Степан, что ли?

– Ну да, – подтвердила та, продолжая жевать свой хлеб, словно ее не кормили уже неделю.

– Да месяцев около трех уж, наверное, его здесь нет, – ответила та, немного подумав, а потом обратилась за подтверждением своих слов к соседке: – Да, Пава?

Женщина со странным именем или прозвищем Пава, моя первая собеседница, отодвинулась на край лавочки и предложила:

– Садись, Шур. Аль куда торопишься?

– Да нет. Некуда мне теперь торопиться. Пенсионерка, – ответила подошедшая, усаживаясь рядом с ней.

Эта женщина разительно отличалась от своей соседки тем, что была более спокойной и ухоженной. Старенький выцветший халатик был застегнут на все пуговицы, чист и аккуратно выглажен. Ее соседка, которая наконец расправилась с коркой хлеба, собрала с коленей крошки в ладонь и отправила их в рот, не могла похвастаться тем же. Ее халат

в мелкий цветочек явно давно не видел мыла или порошка, а уюту ему не был известен вообще.

– Скажите, – обратилась я к женщине, которую Пава назвала Шурой, – вы живете рядом с семейством Курник?

– Да, – не спеша ответила та. – Через стенку. Мы с ними в одном доме живем. Да вы, наверное, и сами видели.

– Что вы можете рассказать об этой семье? – задала я ей все тот же вопрос.

– А что рассказать? Хорошая, дружная семья. Соня – женщина общительная, добрая. Дети уважительные. Степан, тот мужик работающий. Все умеет. В руках у него все горит.

Я хотела было опровергнуть ее слова, так как, посетив семью, не увидела особого трудолюбия со стороны ее членов: двор зарос травой, яблони и вишни одичали, дом давно не крашен. Но спорить с тем, что семья очень общительна, я, конечно, не могла, да, в общем-то, и не стала, ведь принимали меня Соня и ее дети очень радушно, вроде бы открыто рассказывали обо всем, о чем я их спрашивала и даже не спрашивала. Тут уж не поспоришь.

– Они никогда и ни с кем не ругаются. Мирно живут, ладно. Хорошие соседи, – заключила все та же женщина после паузы.

– А чем они занимаются? На что живут? – неожиданно созрел в моей голове новый вопрос, вызванный тем, что в рабочее время я застала всю семью Курник дома, что было немного странно, по крайней мере – в отношении Сони.

Тут в разговор снова вмешалась Пава. Она поудобнее расположилась на лавочке, расправила складки своего грязного мягкого халата и проговорила:

– Чем занимаются... Сонечка – она мастерица. Она хоть и не работает, но денежки умеет зарабатывать. Шьет хорошо. Вот и перешивает кому что надо. Вяжет иногда. А мы, кто деньгами, а кто продуктами, с ней расплачиваемся. У пенсионеров-то денежки есть. Но она ничем не гнушается, все берет. И деньги, и продукты. Кто что даст.

– А Степан? – спросила я, обращаясь к тетке Шуре, решив, что она знает чуть больше Павы.

– Степан тоже не работает, – ответила та. – Он рыбак хороший. На речке целый день пропадает. Наловит рыбы и продает. Вот так и живут. Сейчас все так, кто как может. Работы-то у нас нет, ничего другого и не остается. А в город уехать немногие могут.

– Ох ты, мамочки мои! – вдруг сорвалась со своего места бабка Пава. – Да за что ж мне такое наказание! – запричитала она, быстро удаляясь от нас на своих коротких толстых и, как оказалось, невероятно кривых ножках. – Ох, оказия какая! Да чтоб тебя...

Я недоуменно посмотрела по направлению продвижения женщины и увидела то же, что и она. Тогда мне сразу стали понятны и ее негодование, и причина столь жарких причитаний.

Из небольшого овражка, который ограничивал переулок

с противоположной стороны, двигалась небольшая вереница «живности» – никак иначе это назвать было нельзя. Но, как я смогла разобраться через некоторое время, эта «живность» в недалеком прошлом была не чем иным, как домашними гусями. Теперь же из овражка один за другим двигались... совершенно голые птицы. Лишь маховые перья крыльев, хвосты и головы имели оперение. Весь пух на их телах отсутствовал, отчего они казались очень смешными и забавными.

Бабка Пава же, все причитая и охая, обошла их сбоку и направила в сторону двора.

– Батюшки! – проговорила моя соседка по лавочке. – Да это ж гуси! То-то, я гляжу, вчера сынок ее Алеха с дружкой гусей ощипывают... Думала, зарезали. А они, ироды, видно, пьяные были. Ох-ох-хох! – покачала головой она.

– Как пьяные? Вы про кого? – не поняла я.

– Да остатки бражки многие в овраг вываливают, а они небось нажрались и уснули все, – пояснила мне женщина. – А эти, хулиганы, приняли их, поди, за мертвых.

Теперь мне все стало ясно, и я снова повернула голову в сторону гусей. Бабка Пава, догнав тех до двора, громко закричала:

– Леха, а ну иди сюда, горе ты мое луковое!

Из раскрытого окна дома выглянула заросшая недельной щетиной физиономия мужчины. Определить его возраст было трудно. Щетина, всклокоченные, давно не выдавшие расчески волосы, мешки под глазами – все свидетельствовало,

что их владелец большой любитель выпить.

– Чего тебе? – осипшим голосом спросил сынок.

– Ты, ирод, чего с гусями наделал? – негодовала бабка Пава. – Ты зачем их ощипал?

Леха, видимо, еще не увидев «творение своих рук», проговорил:

– А че ж, с пухом, что ль, выбросить надо было?

– С каким пухом! – кричала его мать. – Зачем выбрасывать-то надо было?

– Так сдохли они, гуси твои, – невозмутимо ответил Леха, и я едва не рассмеялась в голос, наблюдая эту забавную картину.

– Сам бы ты сдох быстрее, – парировала его мамаша. – Сдохли... Остатки браги-то куда вчера с дружкой вылили? На кучу навозную?

– Ну да, – все так же невозмутимо ответил похмельный Леха.

– А вот тебе и да, – ворчала Пава. – Варенье ведь в ней было прошлогоднее. Вот они и наклевались ягоды. А ты – сдохли...

В это время Леха увидел гусей. Сначала глаза у него полезли, что называется, на лоб от увиденного. Потом он грубо заржал, оглашая округу неприятными звуками.

– Подумаешь! – усмехнулся он спустя некоторое время, когда удалось сдержать смех. – Зато в такое пекло им теперь не жарко будет.

Он исчез из окна, потеряв интерес к гусям. Бабка Пава, продолжая охоть и причитать, стала загонять птиц во двор.

– Пьяница он горький у нее, – пояснила мне тетка Шура, заметившая, с каким интересом я на все смотрю. – Измучилась она с ним. Пьет, не работает. Из дома все тащит. Меняет на самогон. Да и сама она еще зачем-то гонит. Разве можно, если в доме есть любитель выпить...

Тем временем солнце, совершая свой обычный круговорот, начало клониться к закату. И хотя еще не скоро наступит ночь, однако день был на исходе. Тень от дерева, под которым мы сидели, ушла, и солнечные лучи теперь светили нам прямо в лицо. За день воздух прогрелся настолько, что даже деревянный забор, около которого мы сидели, стал горячим.

– Ну и жара! – проговорила женщина. – На речку бы сейчас, только там и есть спасение.

При слове «речка» я вдруг поняла, что именно это-то мне сейчас и не помешает. Прохладная вода взбодрит расслабившийся от жары организм и даст возможность о чем-то еще думать и что-то делать. Иначе не будет ни желания, ни сил заниматься чем-либо. Я вспомнила, что из дома прихватила с собой на всякий случай купальник. Вот такой случай как раз сейчас мне и представился. Я расспросила тетку Шуру, как добраться до местного пляжа, и направилась туда. Но едва сделала несколько шагов, как вспомнила о том, что не все еще сделала сегодня, а потому решила поход на реку пока

отложить. Теперь мой путь лежал в дом ко второму заказчику: быть может, там мне повезет больше и я найду хоть какую-то зацепку.

Насколько мне было известно после предварительных расспросов, дом Ивана Михеева находился где-то рядом с Красным уголком, значит, у меня была возможность захватить купальник, потом посетить нужный дом, а там уж отправиться и на реку. Идя к своему временному месту проживания, я немного задумалась, вспоминая данные по второму делу.

«Итак, что мы имеем? Пока, в общем-то, ничего. Есть смутная информация относительно убийства или просто исчезновения Михеева Ивана Ивановича—старшего. Будем называть отца моего второго клиента так, поскольку сын его, то есть клиент, носит ту же фамилию, имя и даже отчество. Есть еще сожительница первого – Галкина Татьяна Андреевна. Кроме того, бабка Фекла, мать Михеева-старшего, очень пожилая женщина, со слов ее внука – к тому же еще и выжившая из ума. Она-то и заявила внуку, Михееву-младшему, что ее сына убили. На самом ли деле так? Или это ее старческая выдумка?...»

Впереди показалась «гостиница». Я вошла в нее, прихватила из отведенной мне комнаты купальник и бутылку газированной воды – пить мне на жаре хотелось все время, и направилась в соседнюю комнату, чтобы узнать, как найти второй интересующий меня дом и Галкину Татьяну Андреевну,

с которой я решила переговорить в первую очередь.

В комнате сидела тетка Наталья. И только я собралась обратиться к ней с вопросом, как она заговорила первой:

– Спросить чего хочешь, дочка?

Я кивнула.

– Скажите, тетя Наташа, где я могу найти Татьяну Андреевну Галкину? Ту, что с Михеевым жила.

– А-а, – протянула она после моего вопроса и слегка улыбнулась. – Тебе Танька Курилка, значит, нужна. Дом ее на Молодежной улице, второй справа, – пояснила женщина, указывая в окно на небольшую улочку, дома на которой были, как близнецы-братья, все на одно «лицо». – Колхоз построил эти коттеджи в былые времена, когда богатым еще был. Так и стоят до сих пор. Тебя проводить или сама найдешь?

– Найду, – заверила я ее и, выйдя из дома, сразу направилась в сторону Молодежной улицы (надо же, все-таки у улиц здесь, оказывается, есть названия!), рассматривая этот край деревни, где мне предстояло прожить, по всей видимости, несколько дней. Мне хотелось поскорее разобраться с тем, где и что находится, и более не приставать с вопросами к прохожим, как и куда пройти.

Не спеша продвигаясь в нужном мне направлении, я задала себе попутно вопрос: «Почему „гостиницу“, в которой меня поселили, именуют Красным уголком? Странно как-то. Надо будет при случае выяснить, откуда взялось это название».

Издали коттеджи казались совершенно одинаковыми, сейчас же, подойдя поближе, я начала замечать в них различия. Причем различия кардинальные. Некоторые дома были любовно обустроены: сверкали чистотой и новенькой краской. Другие же, напротив, имели заброшенный и неухоженный вид. Старая краска облетела, а новую много лет никто не наносил. Часть из них имели добротные заборы и надворные постройки, у прочих и заборы, и надворные постройки вовсе отсутствовали.

Именно таким, неухоженным, оказался дом Татьяны Галкиной, то есть Таньки Курилки, как ее здесь звали – видимо, потому, что она много курила. Уже с улицы было видно, что хозяйева здесь живут нерадивые. Забор, давно требовавший ремонта, местами завалился. Двор порос травой. Причем высоченные кусты прошлогодней травы соседствовали с вновь пробивающейся зеленью. Только узкая протоптанная среди зарослей дорожка вела в сторону крыльца. На окнах отсутствовали занавески. Некоторые из окон были закрыты давно выцветшими на солнцепеке газетами, другие – не имели даже стекол.

Я подошла к крыльцу и постучала в дверь. Тишина. Я, немного помедлив, снова постучала, теперь уже увереннее и громче. Через пару минут за дверью что-то зашевелилось, зашуршало и раздался голос:

– Кто там?

– Простите, здесь живет Галкина Татьяна Андреевна? –

задала вопрос я.

Еще через пару минут дверь наконец открылась, и из нее вышла хозяйка дома. На вид ей было лет под шестьдесят. Небольшого роста, среднего телосложения. На голове коротко стриженные волосы, похоже, когда-то подвергавшиеся химической завивке. Впрочем, ничего необычного в данной женщине не было – женщина как женщина. Разве что лицо ее имело желтовато-серый оттенок. Вот, пожалуй, и все.

Женщина посмотрела на меня, провела ладонью по лицу и заговорила:

– Я Татьяна Галкина. А че вы хотите?

Речь ее очень отличалась от речи нормального человека. Она как-то странно произносила шипящие звуки, а часть букв в ее лексиконе отсутствовала вовсе. Поэтому мне стоило большого труда понять, что сейчас сказала хозяйка дома.

Пытаясь сосредоточиться, я осторожно начала свой запланированный допрос.

– Я могу с вами поговорить? – спросила я в первую очередь.

– Конечно, конечно! – засуетилась женщина, пропуская меня в дом. – Пвоходите.

Я проследовала в помещение за хозяйкой. Сразу, еще в коридоре, в нос мне ударил ужасный запах. Он был невыносим, и спутать его было нельзя ни с чем – то был запах мочи.

Я непроизвольно зажала нос рукой и поморщилась.

– Пвоходите, пвоходите, – снова пригласила меня хозяйка

дома.

Но мне совершенно расхотелось проходить в помещение и тем более находиться в нем даже самое короткое время. Однако я понимала, что должна пересилить себя и довести дело до конца, раз уж заехала сюда, в такую глушь, как эта деревня, решив начать расследование.

В общем, мне не оставалось ничего другого, как следовать за Галкиной в дом. Она провела меня в одну из комнат. Большая комната, видимо, запланированная строителями как зал или гостиная, была практически пуста. Из мебели здесь имелись старенькая кровать, не менее древний диван, тумбочка и полка на стене. Отсутствовали даже стулья. Обои, похоже, наклеенные еще при первоначальной сдаче дома в эксплуатацию, отвалились от стен и висели, готовые рухнуть в любую минуту на пол. Полы в доме не знали воды и тряпки и имели земляной цвет.

Двери в другие комнаты были открыты, поэтому я увидела, что в них вообще отсутствует какая-либо мебель. Лишь кое-где были брошены старые вещи и стояли ведра и тазы там, где их оставили хозяева.

На кровати сидела старушка. Внешним видом она напоминала старую ведьму из детской сказки. Одежда ее представляла собой лохмотья. Нечесанные давным-давно волосы были растрепаны и торчали, словно пакля, в разные стороны. Однако в руках она вертела массажную расческу. Невыносимый запах мочи источала именно она.

Пересилив себя, я расположилась на деревянном ящике, который мне предложила хозяйка дома. Сама же она присела на перевернутое ведро, которое притащила из соседней комнаты.

— Я вас свушаю, — снова проговорила Татьяна Галкина. — У вас ко вне какое-то дево? — внимательно рассматривая меня, спросила она.

— Совершенно верно, — ответила я, с трудом удерживаясь, чтобы опрометью не выбежать из дома. — Меня интересует исчезновение вашего мужа, то есть сожителя, Михеева Ивана Ивановича, — я сделала ртом маленький глоток воздуха и продолжила: — Я частный детектив Татьяна Александровна Иванова, и мне бы хотелось, чтобы вы рассказали мне об этом поподробнее.

— Ванька? — проговорила она, поправляя волосы. — А кто его знает, где он. Быв, быв... и куда-то исчез.

— Как то есть исчез? — недоуменно уставилась на нее я. — Люди так просто не исчезают. Он куда-нибудь собирался уехать?

— Нет, не собивався. Он вообще никуда не уезжал, никогда.

Вести разговор с этой женщиной было адским мучением. Половину ее слов я подолгу не могла расшифровать, некоторые не понимала вовсе. Однако мне необходимо было довести дело до логического конца, чтобы наконец решить, стоит здесь еще задерживаться или можно убираться восвояси.

Танька же начала рассказывать, как они с мужем, точнее с сожителем, познакомились и «сошлись», какая у них была большая любовь и что он был очень хорошим человеком.

Только я хотела уточнить, почему она говорит «был», как в это самое время молчавшая доселе старуха вдруг громко и внятно произнесла:

– Ты убила его! – И она ткнула в сторону Таньки корявым пальцем и жутко скривила свое лицо.

– Молчи, ведьма! – приказала ей та. – Несешь не знаешь чево. – Потом она повернула голову в мою сторону и сообщила: – Она у нас таво, – и Танька повертела указательным пальцем у виска.

– Сама ты таво! – вступила в спор с ней старуха.

Я попыталась выяснить, почему она так заявляет, решив, что бабке что-то известно, а потому спросила прямо у жуткой старухи:

– Скажите, а почему вы думаете, что это она сделала? Вы можете что-то пояснить по данному вопросу?

Старуха повертела в руках расческу, попыталась провести ею по растрепанным волосам. Однако у нее ничего не получилось, так как расческа была повернута к голове тыльной стороной. Бабка повертела ее в руках, видимо, пытаясь понять, как пользоваться этой штуковиной, и снова провела ею по голове. Следующая ее попытка также не увенчалась успехом. Бросив это бесполезное занятие, она подняла свой взгляд на меня. Однако я заметила, что это уже был не

осмысленный взгляд, а скорее, наоборот – подтверждающий, что передо мной больной человек.

«М-да, кажется, старуха действительно немного не в себе, – решила про себя я. – Видимо, узнать у нее так ничего и не удастся, а у бабки вполне может быть информация, которая пригодилась бы в моем расследовании. Впрочем, мне не привыкать, что сразу всегда все жутко запутано и нет следов – разберусь со временем».

Я хотела продолжить разговор с Галкиной, но в это самое время бабка Фекла начала произносить странные вещи. Она то утверждала, что ее сын «лежит на белых простынях», затем вдруг начала рыдать, приговаривая, что «он сейчас плывет по большой реке».

Хозяйке надоело это представление, и она предложила мне выйти во двор, чтобы закончить начатый разговор. Я обрадовалась возможности вновь оказаться на воздухе, но во дворе ничего нового я от Таньки все равно не узнала. Она по-прежнему рассказывала о том, что у них с сожителем была большая любовь. Попыталась даже описать некоторые интересные эпизоды их совместной жизни, но мне это не доставило того восторга, какой испытывала сама рассказчица, да и понимала я из ее рассказа не очень многое.

Кое-как дослушав Галкину, я распрощалась с ней и вышла со двора, решив направиться прямо на реку, дабы искупаться. Сейчас мне хотелось этого даже больше, чем перед посещением дома Таньки Курилки – мне не терпелось смыть с

себя ту вонь, что, казалось, пропитала все мое тело, одежду и волосы.

Проходя мимо окон только что покинутого мною дома, я услышала какое-то бубнение и решила ненадолго задержать-ся. Подойдя к окну, которое не имело стекла и было закрыто какой-то картонкой, прислушалась.

– Чево ты несешь? – на повышенных тонах говорила одна из женщин – как я могла понять по голосу, Танька Курилка ворчала на старуху. – Тебя чево, за язык тянут?

– Сама несешь, – пыталась защититься бабка Фекла. – Опять небось своих дружков сегодня приведешь? Пьете, пьете... – речь ее снова начала «спотыкаться»: – А сынок мой... Ваня, Ванюша...

Понимая, что у бабки начался очередной приступ ее болезни и теперь она вряд ли скажет что-то нормальное, я направилась в сторону реки.

ГЛАВА 3

Идя по тропинке, я вновь задумалась.

«Странно, двое мужчин в селе исчезли и никто даже не пытается их найти, будто всем наплевать. Нет, я, конечно, могу предположить, что они не были всеобщими любимцами, но ведь так тоже нельзя!»

Я свернула вправо, на улицу, через которую можно было выйти к речке, продолжая анализировать ситуацию.

«Судя по тому, что пропали эти двое примерно в одно время, около двух-трех месяцев назад, можно предположить, что между этими случаями есть какая-то связь, возможно даже, что тесная и непосредственная. А если мужчины вообще были хорошо знакомы и их обоих убрали за то, что они влезли в какое-то не свое дело или кому-то помешали? – неожиданно мелькнула в голове мысль. – Такое ведь вполне может быть. Похоже, нужно попробовать сначала установить, знакомы ли были Михеев и Ведрин и в каких отношениях они находились. А там уж будет видно, что делать дальше. Но сначала, конечно, река!»

Я остановилась возле узкой тропинки, круто убегаящей вниз, и начала осторожно спускаться. Достигнув реки, вода в которой была хоть местами и мутной, а местами все-таки прозрачной, но зато прохладной, выбрала подходящее укромное местечко и стала переодеваться в купальник.

Одежду оставила под небольшим кустиком, а потом направилась к воде, только сейчас заметив, что речка грязная во все не везде, а лишь там, где жители устраивали мусорки. В том же месте, которое я присмотрела для купания, наверняка раньше было нечто вроде пляжа, а потому тут было сравнительно чисто. Как только я сделала несколько шагов по песчаному берегу, мои ноги обожгло раскаленным песком. Я, припрыгивая, быстро добежала до реки и вошла в воду.

Здесь река оказалась очень мелкой. Я начала продвигаться к середине, но тут услышала с берега:

– Тетенька... А ты чево, плавать не умеешь?

Я повернула голову. Мальчонка-рыбак, лет семи-восьми, стоял с удочкой на берегу и во все глаза глазел на меня.

– Почему? Умею немного, – ответила я, взмахнув руками.

– Ну тогда вон туда иди. Там все купаются, – он ткнул пальцем в сторону кустов. – Там знаешь как глубоко! Омуты там. Сомы там живут, – продолжал он знакомить меня с местными достопримечательностями, пока я выходила к нему на берег, решив, что и в самом деле здесь что-то не особенно глубоко, да и дно под ногами оказалось каким-то сопливо-грязным.

– А ты что ж, рыбу удишь? – поинтересовалась я, оказавшись снова на берегу.

– Угу, – кивнул тот.

– Поймал что-нибудь?

– Поймал.

– И сколько же? – поддерживала я разговор.

– Шеснадцать штук, – он поднял баночку, которую держал в другой руке и которую я сразу не заметила.

В поллитровой банке, наполовину заполненной водой, плавали мальки. Их, по всей видимости, действительно было штук пятнадцать-шестнадцать.

– Молодец, – похвалила его я, сдерживая смехок. – А ты что ж, один на речку пришел?

– Не-а. С мамкой, – ответил тот, опять забрасывая удочку в камыши.

– Ясно, – вздохнула я и направилась по тропинке к кустам, на которые мне указал мальчонка. Пробравшись сквозь ветки, я оказалась на небольшом пляжике. Здесь были разбросаны детские вещи: брюки, шорты, рубашки, удочки, но хозьев этого добра не было видно. Я подняла взгляд от земли и тут только заметила, что пацаны, побросав все на берегу, резвятся на другой стороне речки, где берег более пологий, а песок чище.

Я вошла в воду. Прохладная влага так приятно обволокла все мое тело. Река здесь была действительно глубокой, и я с большим удовольствием поплавала несколько минут. Из воды выходить не хотелось. Я, вообще большая любительница водных процедур, часами пропадаящая в душе, никак не могла заставить себя покинуть водоем. Однако я все же вышла на берег, чтобы немного согреться, но вскоре снова возвратилась в воду.

«Так, все, — решила наконец я. — Последний заплыв — и выхожу».

Я сделала небольшой круг по воде и выбралась на берег. Все по той же тропинке я дошла до куста, под которым оставила одежду, взяла свои вещи и направилась снова в кусты, чтобы переодеться.

И тут мой взгляд упал на деревья, которые росли невдалеке. Между двумя большими осинами виднелась деревянная калитка. А над ней, словно арка, от одного дерева к другому была прибита доска, к которой, в свою очередь, крепился небольшой кусок ДВП. На этом куске очень искусно был изображен огромный красный речной рак, а над его головой шла надпись: «Кафе „Наливай-ка“».

Видно, мое купание не прошло даром. Охладившееся тело дало толчок застоявшемуся от жары мозгу. Я вдруг вспомнила, что соседки Степана Ведрина говорили о нем как о заядлом рыбаке. Следовательно, он мог быть вхож в это самое «кафе», а значит, о нем там могут знать завсегдатаи заведения и даже ответить мне, был ли он знаком с Михеевым-старшим.

Я быстро оделась, не снимая купальника, который все равно через пару минут полностью высохнет, нацепила свои темные очки и направилась в сторону вывески. Подходя ближе, услышала гул голосов и поняла, что заведение не пустует. Сейчас в нем, скрываясь от палящего солнца под сенью деревьев, расположилась, скорее всего, мужская часть оби-

тателей деревни.

Я открыла калитку и вошла внутрь.

– Ух ты! – тут же услышала я пьяный голос. – Какие люди к нам...

Я осмотрела открывшееся моему взору пространство. Между деревьев была расчищена сравнительно большая площадка.

Земля, служившая полом, была аккуратно присыпана речным песком. Часть «кафе» занимала конструкция, напоминающая большие нары. На ней сидел мужчина лет тридцати пяти с гитарой в руках. Хриплым голосом, подражая Высоцкому, он запел: «Я коней напою... Я куплет допою...»

В другом конце заведения между двумя деревьями была растянута рыболовная сеть. Концы сети были собраны вместе, и оттого она представляла собой подобие большого гамака. В этом импровизированном гамаке лежал молодой парень, а в ногах у него полусидя-полулежа расположилась некая девица. Она, как и другие посетители, видимо, была постоянной клиенткой сего заведения. Об этом свидетельствовал весь ее облик – наспех, неровно стриженные волосы торчали в разные стороны, а под правым глазом красовался большой синяк. Мало того: ее физиономию портило еще и то, что сей синяк на ней был далеко не первым, поэтому одна сторона лица перекосилась, застыв в уродливой гримасе.

Еще один мужчина выкладывал из закопченной кастрюли картофелины на возвышение, служившее столом. Здесь же

стояла различная посуда: бутылки – одни еще с содержимым, другие уже пустые, металлические чашки и нижние части от пластиковых бутылок, служившие обитателям кабака рюмками. Оставшиеся на «столе» крошки и хвостики от зеленых огурцов свидетельствовали о недавнем наличии закуски.

Мужчина, который выкладывал картофель на стол, поднял голову, и я узнала в нем Леху, сына бабки Павы.

Тот молча плеснул в «рюмку» содержимое из бутылки и протянул мне:

– Давай к нашему шалашу.

– Спасибо, я не пью, – отвела его руку я.

– А к-кто тут пьет? – икая, задала вопрос девица, приподнимаясь с гамака. – З-десь прос-то отдыхают.

Она подошла к Лехе, молча взяла из его рук посудину, так же молча перевернула ее себе в рот, одним глотком отправив содержимое к себе в желудок, и, повернувшись, не закусывая, снова забралась на свое место.

– Вот молодец, Натали! – похвалил ее мужчина с гитарой, перестав петь и отставляя в сторону инструмент. – Давай, Леха, – потер он руки, – горяченькое не помешает.

Сказав это, он, прихрамывая на правую ногу, подошел к столу. Взял одну картофелину и, не очищая ее, начал жевать. Я устало вздохнула и задала вопрос в надежде получить на него толковый ответ:

– Кто из вас знает Ведрина?

Все молча уставились на меня. Я тоже провела взглядом

по лицам посетителей кабака, пытаюсь понять, что их так насторожило в моем вопросе.

– А ты кто? Мент? – спросил музыкант.

– Нет. Я частный детектив, – попыталась объяснить им я. – Меня интересует, как давно и куда уехал Ведрин Степан?

– Рыбак, что ль? – спросила в свою очередь Натали. – Кто его знает? У бабы его спроси.

– Спросила. А вот теперь у вас спрашиваю, – ответила я.

– Баба его сказала, что домой уехал, в Украину, – ответил Леха.

– А вы его хорошо знаете? – опять спросила я.

– Его-то? Конечно, знаем. Он рыбак заядлый. Зиму-лето на речке отирается. Слышь, Моряк, – обратился он к парню, который продолжал лежать в гамаке, – он тебе свои снасти-то дал попользоваться?

– Не-а. Я его не видал, – ответил тот, отрицательно покачивая головой.

«В каком смысле „не видал“? – немного удивилась я. – А, наверное, он не видел, когда тот уехал...»

– А кто из вас видел, как он уезжал? – торопливо спросила я, поймав себя на мысли, что все обитатели заведения утверждают, будто Степан уехал, хотя сами этого не видели, что может указывать только на одно: отъезд Ведрина из деревни – сплошное вранье его жены Сони.

– Никто. Баба его так сказала, – подтвердил мою догадку Леха.

– А вам он о своем отъезде ничего не говорил? – принялась выяснять я.

– Нет. Мне не говорил, – ответил Леха вяло.

Я посмотрела на других посетителей «кафе». Все они отрицательно покачали головами:

– Нет. Не говорил.

Что ж получается? Выходит, собираясь в гости к родственникам, Степан, которого все характеризуют как отзывчивого и общительного человека, никому не сказал о своих намерениях. Почему? Какой смысл ему было это скрывать? Может быть, он решил уехать совсем? Тогда тем более он должен был попрощаться с друзьями и знакомыми. Что-то здесь явно не так. Как-то уж очень странно «уехал в гости» Степан. О его отъезде не знают ни соседи, ни друзья-приятели. Почему? Я знаю наверняка: в селе такой номер обычно не проходит. Достаточно человеку отлучиться даже на один день из родных пенатов, и тут же вся деревня уже в курсе, где он и что он. Знают здесь буквально все и обо всех. Это не город, где никому ни до кого нет дела. Но почему тогда так странно исчез Степан? Ведь его, по словам жителей села, нет дома уже более двух месяцев.

– Тогда, может быть, вы что-то знаете о Михееве и его исчезновении? – вспомнив о втором пропавшем, вновь спросила я и внимательно посмотрела на лица посетителей кафе.

На всех выразилось некоторое удивление, а потом мужчина, которого тут называли Моряком, закрихтев, произнес:

– А чегой-то ты о нем спрашиваешь?

– Как что? Он ведь тоже исчез, – пояснила я. – Или я чего-то не знаю?

– Ну, исчез... – как-то неопределенно ответил Моряк.

– Скажите, а он был знаком с Ведриным? – поинтересовалась я следом.

– А вы как думаете, пили они вместе, – хихикнув, откликнулась со своего места баба.

«Ага, значит, все же знакомы были», – порадовалась я тому, что мои подозрения оказались верны. Оставалось проверить еще кое-что, чем я сразу и занялась.

– Может, вы даже знаете, где находится Михеев сейчас? – прикинувшись совсем дурой, задала я новый вопрос и сосредоточила свой взгляд на Моряке.

Мужчина недовольно нахмурился, достал пачку «Астры» и, закулив, замял губами:

– Может, знаем, а может, не знаем, тебе-то чего...

– Я же сказала, я ищу его и Ведрина.

– Михеева можешь не искать, – отозвался Леха и, чему-то усмехнувшись, добавил: – Его уже небось черви сожрали.

– То есть как это?

– Да убили его вроде как... – заикнулся он и тут же притих, поняв, что ляпнул лишнего. Но было уже поздно, я намеревалась вытрясти из него все, что только он знал.

– Говоришь, убили. А кто? – начала сверлить я его своим взглядом.

– А я почему знаю? – попробовал отмахнуться тот.

– Но ты же сам только что сказал, – не сдавалась я.

– Мало ли чего я говорю! Кажется мне так, что теперь-то... – нахмурился парень и попытался отвернуться от меня.

– И кто же, как тебе кажется, его убил? – подходя поближе, опять задала я вопрос.

– Не знаю! – резче и грубее повторил он свой ответ.

– И все же? Я вас ни в чем не подозреваю, просто спрашиваю.

– Ну, может, Ваню, – неопределенно произнес парень.

– Да он, наверняка! – подтвердил его слова Моряк. – Только у него причина на то была.

– Какая? – осторожно спросила я.

– А какая обычно бывает причина? Он же за его Танькой бегал, вот мужики и не поделили ее. – Моряк засмеялся, и к нему тут же присоединились и остальные.

Я немного растерялась от столь неожиданной реакции, но все же переспросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.